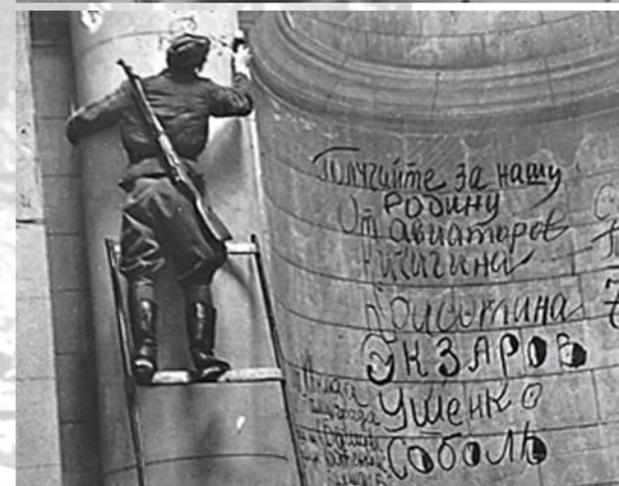
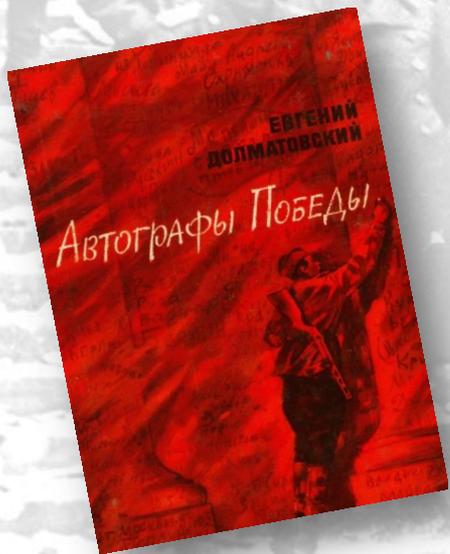

Автографы победы

ПРЕДИСЛОВИЕ

К 15 часам 2 мая 1945 года завершилась историческая битва за Берлин. Это был великий день торжества советского народа, его Вооруженных Сил, наших союзников в этой войне и народов всего мира.

Утром 3 мая вместе со своими боевыми товарищами осмотрели рейхстаг и места боев в этом районе и мы — Военный совет Первого Белорусского фронта.

Каждый шаг, каждый кусок земли, каждый камень здесь яснее всяких слов говорили, что на подступах к рейхстагу и в самом здании шла особо ожесточенная борьба.

При входе колонны и стены рейхстага были уже испещрены надписями наших воинов. В лаконичных фразах и простых росписях солдат, офицеров и генералов чувствовалась их гордость за советских людей, за Советские Вооруженные Силы, за Родину и ленинскую партию.

Поставили и мы свои подписи, по которым присутствовавшие там солдаты узнали нас и окружили плотным кольцом. Мы беседовали о жизни, о победе, о будущем.

С тех пор прошло уже более четверти столетия. Автографы советских воинов стерты с

каменной рейхстага, но невозможно стереть и вычеркнуть их со страниц истории.

Участник Берлинской битвы поэт Евгений Долматовский разыскал многих товарищей, расписавшихся на рейхстаге, рассказал об их сегодняшней жизни, об их боевом пути. Не все, кто поставил свою подпись, вели бой непосредственно за рейхстаг: ведь даже с других фронтов приезжали в Берлин расписываться. Но каждая подпись на задымленных камнях — это приговор фашизму, вынесенный советскими людьми-победителями. Поиск, предпринятый поэтом, убедительно рисует и раскрывает характер фронтовика, защитника Родины: завершив войну, солдат либо остался в Вооруженных Силах и стал опытным военачальником, либо столь же вдохновенно трудится в народном хозяйстве. На страницах этой книги я встретился с энергичными, сердечными, бодрыми, закаленными в боях советскими людьми, выросшими достойных сыновей. И мне показалось, будто через годы и расстояния продолжается беседа, которую мы вели утром 3 мая 1945 года в рейхстаге, когда вместе с солдатами расписывались на задымленных камнях.

Вот сны, победители, славные советские воины, верные сыны Отчизны. Мне хочется пожать руку каждому из них, горячо поприветствовать и пожелать счастья в жизни и труде.

Маршал Советского Союза

Г. Жуков

10/VI 44.

3 мая 1945 г. Г. К. Жуков со своими боевыми товарищами — членами Военного совета Первого Белорусского фронта осматривает рейхстаг

ПОБЕДА

(из поэмы «Одна судьба»)

Развалина. Столица всех развалин,
Обломки и руины — вкривь и вкось.
Ее Берлином некогда назвали,
Нам в сорок пятом брать ее пришлось.

В году есть месяц ветра и сирени,
Когда по вечерам в моей стране
На каждом перекрестке даже тени
Целуются в прозрачной тишине.

Когда все радости и все печали
Готовы счастьем сделаться уже,
И девушка играет на рояле
В открытых окнах в первом этаже.

Когда такие нежные рассветы
И зеленеют речки берега...
В том месяце мы вырвали победу
Из черных рук врага.

Разгромленная улица дымилась,
Клубилась рыжей пылью кирпича,
Сдаваясь победителям на милость,
Проклятия и просьбы бормоча.

Повсюду простыни висят, как флаги,
И стены поднимают руки вверх.
Фашистских пленных грязные ватаги
Влачатся к сборным пунктам в Лихтенберг.

Наш старый танк, уральской стали буря,
По улицам проходит, как во сне.
Глазам еще не веря, брови хмурия,
Стоят танкисты на его броне.

То там, то здесь взрываются фугасы.
Метро разверзлось —
Темный, мокрый ствол...
Смотри, товарищ, это Фридрихштрассе!

Ты выполнил присягу.
Ты дошел.

Молчит угрюмо обгоревший камень.
Но вижу — среди причудливых руин
Смеются люди, машут нам руками
И робко трогают броню машин.

Вот юноши, похожие на Мцыри, —
Истлевшие лохмотья на плечах.
Все языки, что можно слышать в мире,
На разбомбленной улице звучат.

Но громче всех звучат слова такие,
Что мы впитали с молоком России.

Поет звонкоголосая Полтава,
Шумит листвою бобруйская дубрава,
Проходит Псков — он стал совсем седым,
И курский соловей летит за ним.

И вновь горячие прямые взгляды.
В штанах лиловых, в кофточках цветных
Идут Франчески, Жанны и Милады
С флажками родин маленьких своих.

Солдатские щетинистые щеки,
Вы сколько губ исколете теперь.
Я огорчил тебя, мой друг далекий?
Но ты великой верности поверь.

Любимые! Не следует бояться,
Когда под мирным покрывалом сна
Мы станем бредить, плакать и смеяться...
И повторять чужие имена.

Что ревновать нас к небу, где летали,
К земле, где столько узнано печали.

Что ревновать к тревогам,
Дальним странам,
К дорогам, где ползли, бежали, шли,
Что ревновать нас к нашим честным ранам
И к людям тем, которых мы спасли!

Вдали Тиргартен,
Сходят с пьедесталов
Седые памятники без носов.
Регулировщица с флажками стала
Над кипенью голов и голосов.

Вот мчатся негры на велосипедах...
Но наши мысли гордые вдали:
Каков в Москве он, этот День Победы,
К которому в Берлине мы пришли?

Наш древний город — молодой и нежный,
С открытыми сердцами и дверями.
Там девушки танцуют на Манежной,
Которых мы оставили детям.

Из общежитий коммунальных комнат
Большая радость вышла на простор.
Как первую любовь, Москва запомнит
Неистовых оркестров разговор.

Из мраморных ее бомбоубежищ
Перелетает песен серебро,
И ветерок — такой крутой и свежий,
Как будто с морем связано метро.

Москва светла, сияюща, лучиста.
С вершины счастья горя не видать.
Держа перед собой портрет танкиста,
В толпе проходит старенькая мать.

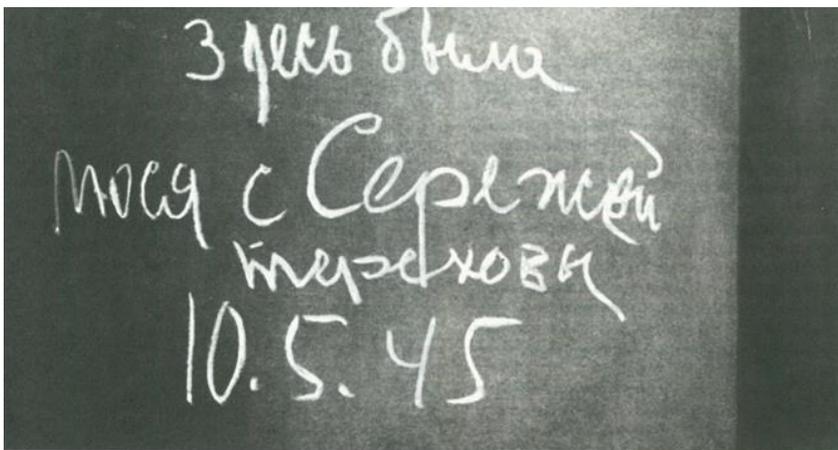
Какой он юный, строгий, тонколиций!
Портрет полоской черной окаймлен.
Два маленьких квадрата на петлицах! —
Давно снимался, видно, до погон.
Портрет плывет среди солнечного света.
«Смотри, сынок, смотри, сынок, Победа!»

А вот Берлин!
Угрюмые останки
Чудовища. Толпа идет, идет,
И мы стоим на старом верном танке,
Где на броне написано «Вперед!»

Над серою громадою рейхстага
Кумач пробитый шлет салют весне,
И я не знаю: это трепет флага
Иль наше сердце бьется в вышине.

Поэт Е. Долматовский
(2 мая 1945 г. у Бранденбургских ворот)

и не сразу воспринял ее как цитату, настолько она была естественна и уместна. И только потом, наверное, через годы, я вспомнил, что это из знаменитого «Левого марша» Владимира Маяковского. Совершенно ясно, почему приведена была только одна эта строчка из стихов 1918 года, а не, допустим, все четверостишие — там разговор шел о британской короне и британском льве, а в победные дни подобные упоминания исключались. Причина была в самом душевном состоянии победителей: мы обнимались с британцами на Эльбе.

Я привел лишь три цитаты из стихов советских поэтов. Могу с уверенностью сказать, что было их гораздо больше, и, наверное, мои товарищи по фронту могут вспомнить еще немало примеров подобного рода.

Но я был бы несправедлив, не упомянув неопытные, совсем-совсем самодельные и самодельные стихи, выражавшие чувства дошедших до Берлина воинов. На крутых перевалах своей жизни и в дни, связанные с крутыми перевалами истории, стихами начинают говорить люди, к поэзии — во всяком случае профессиональной — непричастные.

Стихи состояли на вооружении Красной Армии во все огненные годы. Они звучали и в День Победы.

ПОСЛЕ СЕРЕБРЯНОЙ СВАДЬБЫ

В одной из газет по праздничному поводу была опубликована фотография особенной и необычной надписи, сделанной тоже на стене рейхстага, но, как говорится, стоящей особняком и выбивающейся из общего стиля. По поводу этой надписи и публикации ее один хороший товарищ, всегда отличавшийся штабной строгостью, прислал мне недовольное письмо. Он утверждает, что надпись компрометирует всю идею, а появление ее, тем более опубликование, доказывает, будто к росписям многие относились несерьезно и писали на стенах рейхстага примерно так же, как это делалось во все времена на курортных скалах и на садовых скамейках. Что же это за слова, так возмущившие моего корреспондента?

Здесь были Люся с Сережей / Тереховы. 10.5.45.

Я заметил еще тогда, в мае сорок пятого, эту, по мнению товарища, злосчастную надпись и несколько других, подобных ей, и признаюсь,

радовался их появлению, не усмотрел в них никакого криминала. Наоборот, мне казалось тогда (а теперь я в этом уверен), что надпись очень серьезна, важна и знаменательна. Попробую объяснить свою мысль хотя бы цитатами из писем участников Берлинской битвы, присланных мне через много лет после войны. Но сначала позвольте высказаться.... На мой призыв откликнуться расписавшихся на рейхстаге ответили многие боевые товарищи письмами за двумя подписями. Это и оказались те самые или другие, находившиеся тогда в рейхстаге Люси и Сережи, ныне солидные люди, имеющие детей и внуков. Потребность поставить в прекрасный час Победы два имени рядом лишь утверждает величие этого часа.

Судите сами: за четыре почти года — и каких года — 1941—1945 — возникло и, увы, поредело несколько новых поколений: в условиях войны кончалось отрочество, проходила юность, проходило возмужание тысяч и тысяч людей. А многие не успели стать взрослыми, став бессмертными. Но оставшиеся на земле и те, кто верил в жизнь до последней минуты, были людьми с большой буквы, были готовы на подвиг и совершали подвиги, несли в сердцах и бескрайнюю любовь к Родине, и неизрасходованный запас нежности, верности, любви, ожидавшей встречи и раскрытия. Огонь содействует и закалке металла, и сердечной нежности. Ханжество существовало всегда, но большая и настоящая любовь преодолевала эту преграду. Я глубоко убежден в нравственной чистоте своих боевых товарищей. Не говорю, что это относится ко всем поголовно, не берусь выводить проценты. Но утверждаю: в той войне за высокие идеалы удивительно высок был моральный уровень бойца.

Суровая система армейской жизни, да еще и в боевых условиях, казалось бы, всей своей сутью противостоит встрече двоих, чувству, принадлежащему только им. Наверное, это так, и ничего не поделаешь... Но вопреки обстоятельствам и условиям, наперекор запретам, которые на войне, в армии должны были существовать, а вовсе не были придуманы «злыми» начальниками, любовь зарождалась, росла, тоже участвовала в подвиге.

Галина Джаши. 1945 г.

грузинка. Но твердости и лихости не растеряла на дорогах отступления и в конце того же года изведала и суровую радость: войска пошли на запад, атакуя и гоня противника.

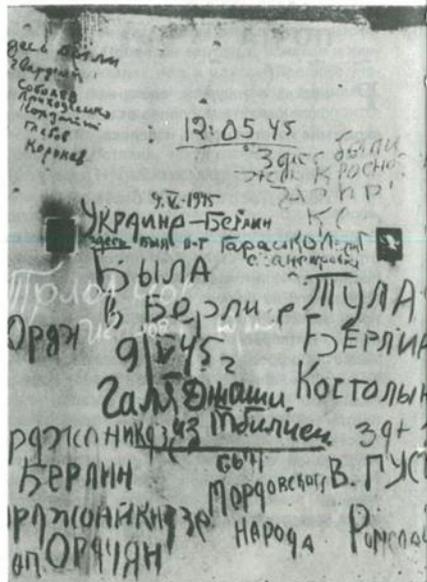
У врача в период наступательных боев всегда много работы. Но такой нагрузки, как под Моздоком, госпиталь не испытывал ни раньше, ни позже: двенадцать дней и ночей, падая от усталости, стояла комсомолка, дочь большевика у операционного стола. Это был ее пост, ее позиция в боях за Советскую власть, за коммунизм. Она выстояла. Ее приняли в партию, в новые бои она шла уже коммунисткой. Пришлось Галине однажды во время операции услышать не вой бомб, а словно бы шелест. Фронтовики знают — когда бомба не воеет, а шелестит, это значит, что она летит прямо на тебя. Рядом рухнула стена. Но врач не прервал операцию, ведь прерванная операция — верная смерть для солдата, которого в эти минуты с таким трудом возвращали к жизни.

Мужество молодого военного врача было отмечено заслуженным боевым орденом Красной Звезды.

У летчиков счет ведется на боевые вылеты. Военврачи не считали, сколько операций делали. Делали столько, сколько было необходимо. В 1944 году в польском городе Седлец я побывал в госпитале, где проходила военную службу Галина Джаши.

Еще и сейчас помню образцовый порядок, царивший в этом армейском учреждении, постоянно двигающемся в непосредственной близости к фронту, постоянно сталкивавшимся с горем войны.

Не в каждой больнице мирных-премирных времен встретишь такой порядок. Но я не с инспекцией был в госпитале, просто навещал раненого товарища. Мне запомнились не только чистота и порядок. Я помню совсем уж прекрасное — светлый дух интернационализма, которым была проникнута вся атмосфера жизни госпиталя. Многонационален был и пер-

сонал госпиталя, и то, что называется «контингентом ранбольных». Да и та, о которой я веду ныне речь, Галя Джаши, дочь грузина и сибирячки — разве не олицетворяет она единение народа, под знаменами которого пошла по дорогам Европы Красная Армия?

Госпиталь кочевал с фронта на фронт — он принадлежал и 1-му Белорусскому, и 2-му Белорусскому, и 1-му Украинскому. Он разворачивался там, где это было необходимо: в лесах и школах, в болотах и баронских замках, в палатках, дворцах, землянках, а направление оставалось единым и единственным — к Берлину.

Участвовала в битве за Берлин и Галина Джаши. И где-то поблизости — по тем же дорогам и в том же направлении двигался на запад со своей зенитной батареей ее младший брат — Николай.

В ту победную радостную пору пришла к ним горькая весть из Тбилиси, еще более сближавшая брата и сестру — отец скончался. Очень нужно было Николаю и Галине встретиться, но военная дорога шла рядом, но мимо встречи.

Последним пунктом дислокации госпиталя был баронский замок неподалеку от Берлина. Сиреневая стояла весна. С первых чисел мая перестали поступать раненные на обработку. Значит, все, значит — победа.

Утром 9 мая в Берлин помчался «газик» начальника госпиталя. В машине был маленький советский интернационал — русский Лазарев, армянин Ордуян, грузины Толодорав и Джаши.

Галина мечтала о чуде — сейчас в центре Берлина она встретит брата. Чудеса на войне — дело обыкновенное, но брату и сестре, видно, не пришла еще пора встретиться. И Галина вспомнила «каменную почту»: когда освобождали и входили в свои многострадальные города, на руинах, на стенах, просто на камнях часто встречались выцарапанные или краской набросанные надписи: жители сообщали родным, что живы, указывали, где и как их найти, просто расписывались, чтобы подать восточку о себе.

Войдя в рейхстаг и увидев исписанные стены, Галина Джаши решила сообщить брату о том, что жива и здорова, окликнуть его. Конечно же, она была уверена, что Николай тоже при-

Заслуженный врач Грузинской ССР Галина Ушанговна Джаши

дет сюда и, может быть, будет искать среди надписей знакомое имя.

Так и возникла надпись Гали Джаши из Тбилиси. Впрочем, назначения своего надпись не выполнила. Николай Джаши в тот самый день тоже был здесь, но автографа сестры не увидел.

Они встретились лишь после демобилизации в родном Тбилиси.

Ныне Галина Ушанговна Джаши заведует отделением Института травматологии и ортопедии.

Она заслуженный врач Грузинской ССР, пользуется авторитетом среди сотрудников.

Николай Джаши — доктор филологических наук, профессор кафедры эстетики Тбилисского университета и редактор газеты «Тбилиси».

Работы у них — по горло, на воспоминания нет времени.

Но сохранившаяся в музее фотография стены

Жди меня! — было заклинанием взрослых. Подрастали в боях те, кого еще никто не ждал. И можно ли упрекнуть их за то, что зарождение первого чувства, поход и бой совпали и по времени, и по месту?

На Великой Отечественной войне — не будем этого скрывать — были заложены фундаменты многих семей, наверное, тысяч семей, ныне уже отпраздновавших свою серебряную свадьбу. Эта могучая проверка временем позволяет мне утверждать, что не торопливое легкомыслие, а настоящее чувство водило рукой неизвестных мне Люси и Сережи Тереховых и многих других влюбленных...

Я смело говорю о людях, мне неизвестных, не проводя поиска и не заглядывая в их анкеты. Люся и Сережа Тереховы расписались 10 мая 1945 года, то есть на следующий день после капитуляции Германии. В это время в Берлине еще не могло, никак не могло быть случайных прохожих, празднующих. Невоевавшие люди тоже не могли в тот день оказаться в рейхстаге. Картина совершенно очевидная и типичная: фронтовики, таившие свои чувства и скрывавшие свою близость, наверняка еще не бывшие оба Тереховыми (если это не брат с сестрой, что, впрочем, невероятно), доверили закопченной стене «логова» свою тайну, а вернее, раскрыли ее. Пришла Победа народа и победа, конечно же, их — как личная, Люси и Сережина.

Конец войны был для них началом новой жизни и рождением семьи. Не сразу после победы в романах и кинофильмах получили ничем не регламентированные, полные права гражданства запретные чувства (правда, теперь уже трудно сказать, мешали ли они или содействовали победе).

Но я обещал процитировать письма... Пожалуйста! Это по преимуществу письма тех товарищей, о которых уже было рассказано мной. Полковник Михаил Александрович Подуст вспоминает:

«Там были все наши товарищи — Москвитин, Макаров, Золотарев, Галич, а я был со своей настоящей женой, Клавдией Николаевной — фельдшером полкового медицинского пункта».

По-военному четко, без сантиментов. О том, какая славная получилась семья, уже шла речь в этой книге... Феодосий Донской из Якутии так описывает демобилизацию:

«Из Австрии, по дороге на Родину, заехал в Кировскую область, недалеко от города Котельнич, и там женился на фронтовой подруге Антонине Яковлевне Шабалиной. Она служила начальником поста ВНОС, была сержантом. Демобилизовалась в 1945 году и работала в бухгалтерии трикотажной фабрики».

Остается только напомнить, что в семье Донских шестеро детей, все работают и учатся или еще только учатся, а Антонина Яковлевна растит их и тоже работает — в Якутском леспромхозе.

Бывший сержант Мария Белянина (Старикова), укладчица парашютов, вспоминая своего славного командира полка (Краснознаменного Радомского штурмового авиационного) Владимира Глебова, рассказывает и о подруге по фронту — Ольге, ставшей впоследствии женой Глебова.

У них теперь два сына, оба в армии. Их семья и дом стали центром сбора ветеранов полка... Авиаторы расписались 7 мая возле статуэток ангелов с крылышками в круглом зале.

Каждое письмо на эту тему — прекрасный сюжет для романа или фильма и очень четкий рентгеновский снимок характера человека.

Лидия Харитоновна Аксенова из города Чернигова говорит, что взялась за перо, чтобы рассказать о своей семье. Но вот как получилось: главное место в письме уделено 20-й гвардейской минометной бригаде, любимой бригаде «катыш», где служили и она, и будущий ее супруг В. И. Аксенов. Опять и опять — про бои, про героизм товарищей. Но вот, кажется, начинается разговор о себе?

«Мое участие в войне скромное — я была секретарем политотдела бригады. На моем счету нет уничтоженных врагов, но мне приятно сознавать, что не одна сотня славных имен в партийные билеты и кандидатские карточки вписана моей рукой».

на то основании выведенная начальством за пределы разговора о быте войны — несчастная и счастливая, слабая и сильная, тяжелая и легкая — товарищ Любовь сделала на войне доброе и великое дело.
Вот в чем пафос этой надписи:

Здесь были Люся с Сережей.

Ее надо оценить как представляющую многие судьбы и высокий нравственный полет участников войны.

В 50-е годы я принимал участие в работе над фильмом «Сказание о земле сибирской». Написал шуточную песню, не слишком связанную с сюжетом и сценарием, однако вышедшую на экраны и довольно широко распространенную тогда. В нынешние времена песню эту исполняют во всякого рода «воспоминательных» радиопередачах. Ее, как это ни грустно автору, можно подвести под рубрику забытых песен, и я позволю себе ее почти полностью опубликовать, поскольку она имеет отношение к теме нашего разговора и ранее мною в книгах не публиковалась. Объясню, почему я сказал «почти полностью». Вместе с музыкой композитора Николая Крюкова песня сопровождается возгласами и междометиями, которые я не считаю нужным приводить в литературном варианте.

**Расскажу я вам, ребята,
Как нашел себе жену.
Я шофером был в солдатах
За баранкой всю войну.**

**И куда я не поеду,
Встречу девушку с флажком
Только я начну беседу...
— Не задерживай движенья,
Проезжай без промедленья,
Мой приказ — в пути закон!**

**Наступленье дальше мчится,
Мы уходим за границу,
Встретил снова ту девицу
По дороге в Бухарест.**

**— Разрешите обратиться?
— Только быстро, здесь разъезд.
Проезжай, да поскорее!
Видишь — сзади батарея.
А не то пошлю в объезд!**

**Так и шла моя машина
Аж до самого Берлина.
Вот и улицы-руины,
Там ее я встретил вновь.**

**Мы гуляли по Берлину,
Говорили про любовь.
Расписались на рейхстаге,
А потом и на бумаге.**

**Путь обратный, путь в Россию,
Реки, села, города,
— Вместе едем мы впервые,
Но теперь уж навсегда.**

**Если будете в Тюмени,
Заезжайте к нам в колхоз,
Мы бы загода пельмени
Положили на мороз.**

**Эх, Сибирь, душа моя,
Нам сдается, что она
Для большого счастья
Очень подходящая страна.**

Я взял из своего архива пожелтевшие письма двадцатилетней давности, откликни на эту песню. Приведу только один из них:

«В песне о Тюмени все написано правильно, кроме того, что мы живем не в Тюмени, а дальше от Москвы, в Забайкалье. Он был шофером, а я служила в ВАД (отряд военно-автомобильной дороги), он ездил редко и все мимо, мимо, никак не могли поговорить толком. Я считалась в отряде очень строгой, потому что берегла улыбку только для него. Встретились, наконец, в Германии после войны. Демобилизация была осенью, он за мной приехал из Тюрингии, поехали к моим родителям. Живем дружно. Недавно нам сказали, что в фильме «Сказание о земле сибирской» про вас песня. Понимаю, что не про нас, но все думают, что про нас, кто знает.

Татьяна».

Письмо это давнишнее, не знаю, как сейчас живут мои герои. Поэтому не решаюсь привести фамилию Татьяны. Но вижу по другим письмам, что формула:

Аксенов командовал одной из батарей.

Лидия Харитоновна рассказывает, как ее будущий муж с товарищами — Досаевым (погиб в Маньчжурии), Малыгиным и Никифоровым ездили 8 мая фотографировать результаты ударов «катюш» и расписались на рейхстаге. Но когда же про любовь?! Погодите.

«В июне 1945 года, после парада Победы (В. И. Аксенов был его участником), мы стали мужем и женой, и он был направлен к месту военных действий на Дальний Восток. В Приморском крае мы прожили 19 лет. Все трое наших детей родились там. Семья у нас дружная, дети хорошие — честные и скромные. С детьми своими мы много говорим о долге перед Родиной, рассказываем им о храбрости, которую видели во множестве в годы войны, и я счастлива, честное слово, что у моих детей здоровые чистые взгляды на жизнь, они добросовестны во всем, у них хорошие товарищи».

Ну, а где же про любовь?

Да тут ведь каждое слово полно любовью, и невозможно отделить рассказ о грозной бригаде «катюш» от слов о детях, выросших в семье победителей.

Я обещал раньше поподробнее рассказать о сердечных делах адъютанта батальона, непосредственно штурмовавшего рейхстаг, — Кузьмы Гусева.

Гусев — человек острый, боюсь, попадет мне от него, но все-таки не удержусь, расскажу. Под Ленинградом в госпитале познакомился он с медицинской сестрой Екатериной Астапенковой. Тогда встречи их были краткими, и все приходилось видеться на людях, Только надежда теплилась — малая и неверная, что когда-нибудь встретятся они вновь. Расстались в печали, далекий путь к месту нового назначения предстоял Гусеву. Потом его опять ранило, и как это не невероятно, но произошла у них встреча под Воронезем, в эшелоне, отправлявшемся на фронт. Вновь короткая встреча и какие-то не те, что необходимо было сказать, слова, и твердое обещание искать друг друга.

Строка, взятая из песни, «Напиши куда-

нибудь», как нельзя точнее отражала происходящее.

О Екатерине Астапенковой, ее подвигах и о том, что она тоже на 1-м Белорусском фронте, Гусев узнал из статьи, напечатанной в газете «Красная Армия». Группа раненых бойцов обращалась в редакцию с просьбой рассказать всем о том, как вели мужественно себя медсестры во время массированного налета на медсанбат.

Я служил тогда в этой самой газете «Красная Армия» и хорошо помню, что письма раненых с благодарностью медицинскому персоналу проходили в печать редко и с огромным трудом. Считалось, что за исполнение долга — а медки, как и все другие солдаты разных родов войск, ухаживая за ранеными и окружая их заботой, исполняли свой долг — благодарности могут идти только сверху, от командования. В этом был некий, военными условиями диктуемый смысл, однако у Екатерине Астапенковой и ее подруга раненые писали не просто, чтобы поблагодарить, а рассказывали о подвиге медицинских сестер во время налета авиации.

Как хорошо, что мы, работники газеты «Красная Армия», тогда пошли против самим себе продиктованных правил и напечатали письмо раненых. Со страниц фронтовой газеты пришла к Кузьме Гусеву весть о дорогом ему человеке, старший лейтенант узнал, что Катя Астапенкова тоже на 1-м Белорусском фронте. Фронт — это огромная машина, целая страна, но Кузьме Владимировичу уже казалось, что он и медсестра — совсем рядом. Они расписывались на стенах рейхстага не в один день и не встретили тогда друг друга. Два долгих года потом Кузьма Гусев искал Екатерину Астапенкову и все-таки нашел ее и женился.

Кто посмеет иронически взглянуть на них?

А Алексей Берест? Он тоже был женат на медицинской сестре, фронтовой подруге. Вновь и вновь возвращаясь к теме войны, я копался в архивах и документах, встречался со многими ветеранами. Сейчас в списках ветеранов часто видишь две одинаковые фамилии рядом и один адрес. И сразу понимаешь, какая красивая и романтическая история тут таится. Смело утверждать, что высмеянная пошляками и осужденная ханжами, с полным

Спасибо за внимание!

Составители:

Хайбуллина Ольга Александровна,
заведующая отделом информационно-библиотечного обслуживания

Молчанова Софья Александровна,
заведующая сектором информационно-библиотечного обслуживания
ФМФ, ИЭУиСТ, ГРИНТ